

Шэнь Цзун, несомненно, унаследовал характер генерала Шэня. Его прогресс был стремительным, и он очень подходил для сражений. Недавно Цзян Шаочжи начал проводить с Шэнь Цзуном индивидуальные тренировки. Молодой человек был полон сил. Хотя его постоянно сбивали с ног, время, которое он мог продержаться, заметно увеличилось.

Цзян Шаочжи и Шэнь Цзун лежали в грязи. Тяжело дыша, Шэнь Цзун поднялся и сел на корточки рядом с Цзян Шаочжи. Грязь стекала с его подтянутого подбородка. Он немного поколебался и спросил:

— Капитан Цзян, могу ли я спросить, как вы развиваете отношения со своим омегой?

Взгляд Цзян Шаочжи был спокойным:

— Если любишь, не причиняй ему боль. И еще...

— Балуй, — тон был обычным, словно само собой разумеющимся. Даже без эмоциональных колебаний можно было почувствовать искренность слов Цзян Шаочжи. Это была чистая правда.

Шэнь Цзун покачал головой:

— А если он постоянно отталкивает тебя?

Цзян Шаочжи посчитал вопрос Шэнь Цзуна бессмысленным. В его глазах мелькнула насмешка:

— Мой омега не отвергнет меня.

Шэнь Цзун, который хотел перенять опыт, невольно получил порцию «собачьего корма». Он чувствовал, что, вероятно, будет первым, кого его омега будет так сильно отвергать. Раньше он слышал о Цзян Шаочжи как о «Боге Войны» на поле боя, но не ожидал, что в личной жизни он будет так безгранично снисходителен к своему омеге. Может, ему тоже стоит поучиться.

Шэнь Цзун отдохнул, его силы восстановились. Он кивнул на грязевую яму, в которой они тренировались:

— Капитан Цзян, еще?

Цзян Шаочжи холодно отказал. Он достал коммуникатор из кармана куртки в зоне отдыха. Тун Цинхэ отправил много сообщений, о том, что гуляет по кампусу Университета С. Холодные глаза Цзян Шаочжи внезапно смягчились. Он посмотрел на новобранцев, барахтающихся в грязи, и набрал номер.

Незнакомый голос. Цзян Шаочжи нахмурился:

— Кто ты?

— А, я только что нашел коммуникатор.

Цзян Шаочжи сжал кулак:

— Где человек?

— Не знаю, только что было очень шумно. Слишком много студентов разбежалось, я еще не понял, что произошло.

Цзян Шаочжи развернулся и ушел. Он быстро отдал краткие инструкции другому инструктору, сел в военный автомобиль и направился прямо в Университет С.

Худощавый великан двигался невероятно быстро. Он выбежал за пределы Университета С и направился к густому лесу.

Тун Цинхэ, которого несли на плече, трясло. Рука горела, боль притупилась, словно ее охватило пламенем. Он обливался холодным потом от боли.

Он открыл рот, чтобы что-то выплюнуть. Сознание его помутилось. Казалось, будто в его тело одновременно влили лед и огонь: то холодно, то жарко. Дыхание было прерывистым, а горло, казалось, что-то крепко сдавило.

— Кто ты... — Тун Цинхэ с трудом спросил. Его голос был тихим и слабым. Он не был уверен, что вообще произнес слова вслух.

Тело, где холод сменялся жаром, казалось, теряло силы. Словно воздушный шар, в котором проткнули дыру, и воздух неуклонно выходит.

Этот лес был единственным и самым большим природным заповедником в Федерации. Насыщенный аромат травы и листвы смешивался с еле уловимым запахом жасмина, а затем заглушался. Феромоны витали в воздухе, но в таком большом лесу найти человека было бы трудно, если бы это не был альфа, который его пометил.

Местность в лесу не позволяла въехать на машине. Густые заросли, словно огромные зонты, хорошо скрывали цель от летающих аппаратов. Охрана могла только запустить детекторы жизни и начать тщательный поиск. Они пока не могли установить личность похитителя, поэтому не получили быстрого ответа на свой запрос.

Цзян Шаочжи стоял у границы леса, его виски бешено пульсировали. Он напрямую связался с базой, приказав своему отряду немедленно выдвинуться и подготовить медицинский транспорт. Высшее командование только что выдало ордер на арест. Человек, похитивший Тун Цинхэ, был лекарственным человеком, сбежавшим из лаборатории.

Лекарственный человек был полон яда. Что, если он навредит Тун Цинхэ?

Цзян Шаочжи сдерживал ярость и решительно вошел в лес. Его глаза сканировали местность. Он отправлял инструкции своему отряду через коммуникатор.

Внутри леса раздался рев огромного зверя. Призванный Цюнцзи был в три-четыре раза больше обычного. Цзян Шаочжи вскочил на него и, следуя по остаткам следов, похлопал Цюнцзи по морде, приказывая ему уловить запах.

Еле уловимый аромат жасмина медленно проник в нос Цзян Шаочжи. Цюнцзи чихнуло и помчалось вперед, следуя направлению запаха жасмина. Огромный полог леса скрывал небо. Стволы деревьев смыкались, создавая множество развилок, и ветер в любой момент мог изменить направление, что усложняло поиск.

В лесу, куда почти не проникал солнечный свет, витал запах гниющей листвы. Резкий запах ударил в нос Тун Цинхэ. Он очнулся от обморочного состояния и приоткрыл глаза. Подсознание подсказывало ему, что его несут. Растущая температура тела и странная внутренняя волна, похожая на прилив, указывали на то, что у него начинается течка.

Волна за волной накатывало странное возбуждение, связанное с течкой. Тун Цинхэ чувствовал себя так, словно по нему ползают муравьи, и его пронзает невыносимый жар и зуд.

Его течка должна была начаться только в июле следующего года, но сейчас у него началось возбуждение, предшествующее течке. Самой вероятной причиной было повреждение, полученное от человека перед ним.

Тун Цинхэ смутно осознавал, что его рука, кажется, онемела, потеряв чувствительность. Необычное состояние, скорее всего, было вызвано стимуляцией после ранения.

Он туманно размышлял об этом. Его лицо в быстром движении ударило о плечо человека. Запах лекарств ударил ему в нос. Внезапно в голове всплыли слова Цзи Ваня, сказанные за обедом. Тун Цинхэ задрожал. Неудачно, что он был похищен сбежавшим из лаборатории лекарственным человеком.

— К-куда ты меня несешь...

Он спросил, дрожа всем телом. Он трясся, как сито. Омега, у которого вот-вот должна была начаться течка, крайне негативно относился к чужим альфам. Этот лекарственный человек был альфой. Под влиянием феромонов Тун Цинхэ он тоже не мог сдержать свой аромат. Запах лекарств в его феромонах заставлял Тун Цинхэ желать сбежать.

— Ты омега, — это была первая фраза, которую произнес лекарственный человек, похитивший его. Голос был хриплым и грубым.

Затем Тун Цинхэ почувствовал другое тепло, отличающееся от своего. Он был в ужасе, сжав зубы, он сказал лекарственному человеку:

— Я уже помечен...

Лекарственный человек не остановился. Во время бега он поднял мягкую руку Тун Цинхэ и внезапно укусил ее. Тун Цинхэ закричал. После того, как его руку прокусили до зубов, всего за десять секунд реакция в его теле усилилась в несколько раз.

Тун Цинхэ моргнул глазами, затуманенными жаром. Слезы текли, не переставая, стекая по уголкам глаз. Он издал болезненный стон. Казалось, что-то проникает по всем его конечностям, разрывая кости.

Длинная, мягкая шея была схвачена лекарственным человеком, который слегка сжал ее:

— У тебя начинается течка.

Пальцы лекарственного человека были покрыты потом, который нес сильный лекарственный эффект. словно вирус, он проникал в кожу Тун Цинхэ, приликая к области его шейной железы, и медленно впитывался.

Влажная зона подверглась сильной стимуляции лекарствами. Железа быстро покраснела, и самая чувствительная часть шеи отреагировала очень сильно. Тун Цинхэ болезненно стонал, словно животное, повешенное за шею.

Лекарственный человек, казалось, наслаждался этим способом пытки. Он не торопился что-либо с ним делать, а часто вытирал его кожу потом, несущим лекарственный эффект. Лекарственный человек затащил Тун Цинхэ в узкую, подходящую для укрытия каменную пещеру. Тун Цинхэ находился в течке, но лекарственный человек игнорировал это.

Тун Цинхэ упал на землю, дрожа, обнимая себя. Он, как выброшенная на берег рыба, открывал рот, пытаясь дышать. В тумане он видел приближающегося к нему человека, издавал невнятные стоны, слезы текли еще сильнее. Инстинктивно он избегал приближения, боясь.

Лекарственный человек протянул руку и толкнул его. По пещере расплылся аромат омега-феромонов.

Свежий аромат жасмина.

Лекарственный человек снял капюшон. В полумраке его глаза тускло мерцали. Он молча наблюдал за Тун Цинхэ, равнодушно относясь к его страданиям. Несмотря на то, что он был альфой, перед омегой, у которого начиналась течка, он оставался безразличным и невозмутимым.

Тун Цинхэ чувствовал, что находится на грани жизни и смерти. Ему было больно до такой степени, что он хотел умереть. Возбуждение, вызванное лекарством, заставляло его отчаянно нуждаться в утешении своего альфы или в чем-то, что могло бы отвлечь его внимание.

— С-спаси... меня... — Раздался слабый, прерывистый голос. Он услышал, как лекарственный человек холодно произнес:

— Не вини меня. Вини их. Все, что я делаю с тобой сегодня, это ничто по сравнению с болью, которую они причинили нам.

Лекарственный человек опустился на колени, глядя на его реакцию:

— Выживешь или нет, зависит от твоей судьбы.

Черный силуэт отдалялся. Тун Цинхэ был полностью брошен в пещере. Температура его тела была обжигающе горячей. Холодный воздух пещеры сталкивался с его жаром. Железа на шее горела, чесалась, болела. Усиленная боль проникала в мозговые нервы. Он с трудом перевернулся с живота на спину. Лежа на спине, он съежился. Острые камни на полу пещеры терлись о хрупкую, чувствительную железу на его шее.

Тун Цинхэ застонал. Казалось, он нашел выход для этого невыносимого чувства. Он изо всех сил вытянул шею и задрожал, двигаясь так, чтобы острые камни терлись о невероятно уязвимое место. Холодные острые камни прорвали кожу. Казалось, потекла кровь.

Тун Цинхэ смотрел в темное пространство, его глаза были влажными. В тишине, когда он подумал, что умер, у его уха раздался слабый писк. Малыш-коала, которое неизвестно когда появилось, коснулось его лица лапкой. Малыш-коала тоже выглядело неважно, но оно все еще могло ползать.

Маленькое коала медленно выползло из пещеры, пробираясь сквозь слои гниющей листвы и сухих веток. Оно без конца пищало, издавая крики о помощи.

Цюнцзи издало громкий рев. Почти сразу же, как только Цзян Шаочжи отреагировал, оно побежало к источнику писка. Феромоны стали более концентрированными, чем при входе в лес. Запах мог распространяться с ветром, но звук не менял своего направления.

Цюнцзи пригнулось, чтобы Цзян Шаочжи мог поднять малыша-коалу. Маленькая, медлительная сущность отчаянно крутилась в его руках. Оно вытягивало шею и пищало. Цзян Шаочжи поддержал его густой, пушистый зад, поцеловал его в ладонь, быстро спрыгнул с Цюнцзи и побежал в укромное место.

Снаружи пещеру обвивало множество плотных виноградных лоз и шипов. Цзян Шаочжи крепче прижал коалу к себе. Вход в пещеру был неглубоким, но очень узким. Густые феромоны, смешанные с легким запахом крови, ударили в нос Цзян Шаочжи. Он вздрогнул. Почти не глядя, он последовал за источником запаха и точно обнял человека, лежащего на

земле, который был уже в полубессознательном состоянии. Он поцеловал его мокрые глаза.

Цзян Шаочжи сдавленно, сквозь сжатые зубы, произнес:

— Тунтун.

Его омега был в течке, и это не было нормальной, естественной течкой. Его шея, опущенная в ладонь, была мягкой и влажной.

Цзян Шаочжи, весь в поту, выпустил свой сандал, который сплелся в плотную сеть, окутывая Тун Цинхэ, который был без сознания.

<http://bllate.org/book/4/114>